

© 2016 г.

Е.М. МИРОНОВА

СОЗДАНИЕ СОВЕТА ПОСЛОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ. 1921 год

Изучению русской эмиграции первой волны в последние десятилетия уделяется большое внимание. Не стала исключением и тема деятельности русской небольшевистской дипломатии. В 70-е годы XX в. ее исследование было начато в Стэнфорде интересной работой Н. Тонгур¹. С 90-х годов XX в. работа в этом направлении ведется и в России. Изданы статьи и монографии², апробация которых проходила на различных международных конференциях, в том числе столь значимых для специалистов по истории Русского Зарубежья, как Нансеновские чтения. Тем не менее при сравнительно широком представлении о деятельности “старых” русских дипломатов в теме присутствуют и белые пятна, и спорные, или слабоизученные вопросы. Задача данной статьи – рассмотреть чрезвычайно важный для дипломатических представительств момент становления их организации в условиях потери последнего клочка земли на родине, противостояние по этому вопросу с главнокомандующим П.Н. Врангелем, уточнить обстановку и причины, заставившие руководство Заграничного корпуса старого российского МИД взять на себя инициативу и ответственность за будущее ставшей массовой русской эмиграции.

К концу Гражданской войны в России дипломатический корпус страны подошел с большим и специфическим опытом. Еще в конце 1917 г. МИД целиком отказался сотрудничать с вновь образовавшейся властью, не подчинился Совету народных комиссаров, назначенному наркомом по иностранным делам Л.Д. Троцкому. Центральное ведомство, ушло в бессрочную забастовку, а Заграничный корпус продолжил деятельность, ориентируясь на последнее законное и признанное за рубежом Временное правительство. В целях координации своей деятельности представительства за рубежом создали Совет послов. Номинальным руководителем его был объявлен юрист В.А. Маклаков, назначенный Временным правительством послом во Францию. Однако фактически в выработке ответственных решений активную роль играл кадровый дипломат, старейшина русского Заграничного корпуса, посол в Италии М.Н. Гирс.

Миронова Елена Михайловна – кандидат исторических наук, сотрудник Центра истории международных отношений Института всеобщей истории РАН.

¹ *Tongour N.* Diplomacy in Exile: Russian Emigres in Paris, 1918–1925. PhD Thesis. Stanford University, 1979.

² *Будницкий О.В.* Послы несуществующей страны. – “Совершенно лично и доверительно!”: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков: переписка, 1919–1951, в 3-х т. М. – Стэнфорд, 2001–2003, т. 1; *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции. М., 2004; *Миронова Е.М.* Дипломатические представительства Белой России в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции. – Диаспора. Новые материалы, т. VI. Париж – СПб., 2004; *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции: колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008; *Дипломатия небольшевистской России. От Певческого моста до улицы Гренель. 1917–1918.* М., 2013; и др.

Став по существу самостоятельной антибольшевистской силой, Заграничный корпус позиционировал себя как общероссийское представительство. Тогда и позже он всемерно содействовал и помогал всем силам, которые вели борьбу с большевиками, без различия политической окраски, старался их сплотить и работал над образованием единой антибольшевистской власти на родине. В начале 1919 г. Корпус подчинился власти Верховного правителя России – адмирала А.В. Колчака, вернувшись к положению министерства под руководством С.Д. Сазонова. Однако позже дипломаты писали, что они никогда не отождествляли себя с какой-либо властью. В период правления барона Врангеля эта тенденция проявилась наглядно: объединить внешнеполитические усилия правительства на родине и дипломатической структуры за границей тогда удалось только при помощи компромисса, в результате которого М.Н. Гирс в качестве главы Заграничного корпуса разделил руководство внешней политикой Крыма с П.Б. Струве, назначенным главнокомандующим главой управления внешних сношений.

Поражение Врангеля и утрата последнего клочка родной земли поставили перед всем беженством проблему поиска форм дальнейшего существования. Русский Париж вернулся к обсуждению этого вопроса с той точки, на которой его рассмотрение было заморожено в начале года – к определению параметров создания Национального комитета как единого политического и организационного центра для всех, кто оказался за пределами России³. Врангель уже не рассматривался как глава правительства, а само правительство – не принималось в расчет. Со своей стороны с честью осуществивший эвакуацию из Крыма своей армии и гражданских беженцев генерал вовсе не считал борьбу проигранной и не готов был сложить полномочия. Однако не всё его даже самое близкое окружение разделяло эту позицию.

В начале 1920 г. Национальный комитет был общим проектом двух партий: кадетов и эсеров. Теперь представители социалистов-революционеров чувствовали себя “на коне”, ведь это они предрекали крах всем диктатурам А.В. Колчака, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля. Они считали, что их предсказания блестяще сбылись и они могут диктовать свои условия. Переговоры с какими бы то ни было политическими силами они теперь вели не иначе, как на условиях отречения от самой идеи военной диктатуры и неприятия попыток Врангеля сохранить за собой любое подобие власти⁴. Более того, они требовали отстранения от участия в комитете и даже в переговорах о нем всего, что носило на себе отпечаток военной диктатуры: Политической делегации⁵, посольства и даже самого здания посольства⁶.

Между тем назначенные Временным правительством главами посольств в Париже и Вашингтоне, соответственно, В.А. Маклаков и Б.А. Бахметев, не могли пройти мимо этого вопроса. Непосредственно участвовавший в проходивших в столице Франции обсуждениях В.А. Маклаков в переписке с коллегой из США оттачивал свою позицию. Поиск велся на новой, неизведанной почве, поэтому и делавшиеся предположения выглядят зачастую расплывчато, не конкретно.

Национальный комитет оба политика рассматривали в качестве некоего суррогата власти: “дело именно в образовании политического центра, который представлял бы моральную и идеологическую силу, абсолютно без какого-либо покушения на фак-

³ “Совершенно лично и доверительно!”, т. 1, с. 276.

⁴ Там же, с. 277–278.

⁵ Политическая делегация – представительный орган, созданный Русским политическим совещанием в Париже в начале 1919 г. для участия в Парижской мирной конференции. В состав Политической делегации входили князь Г.Е. Львов, В.А. Маклаков, Н.В. Чайковский, С.Д. Сазонов, Б.В. Савинков. Не получив возможности участвовать в конгрессе и не будучи распущенной одновременно с создавшим ее совещанием, Политическая делегация пыталась играть руководящую роль в зарубежном антибольшевистском движении.

⁶ “Совершенно лично и доверительно!”, т. 1, с. 278.

тическую власть или административное руководство”⁷. Сходились они и в определении тех целей, которые должны были стоять перед этой организацией. Они их видели в представлении и защите России на международной арене⁸, в работе над достижением соглашения с национальностями бывшей империи⁹ и установления тех оснований, на которых могло бы быть осуществлено воссоздание единой федеративной России¹⁰. При этом одной из первоочередных задач Комитета по первому направлению деятельности посол в Париже считал противодействие признанию Советской России, которое, как ему представлялось, стало весьма вероятным во Франции с момента поражения Врангеля¹¹, а также защиту страны от легального расчленения¹². Бахметев не разделял опасений коллеги по этому вопросу¹³. Но со своей стороны неожиданно дополнил компетенцию Комитета координацией и объединением развертывавшегося в России движения “вокруг известных основ в области экономической, политической и социальной”¹⁴. Объяснить этот тезис можно только инерцией борьбы, которая в тот период еще не была изжита и держала в своем плену многих политиков и военных.

Послы неоднократно подчеркивали, что не собираются придавать Национальному комитету правительственные функции. Не предполагали они, как видно, и какой-либо его ответственности перед русским беженством. Однако эсеры, Н.В. Чайковский, а также участвовавшие в переговорах промышленники не видели смысла в создании Комитета в случае отсутствия у него хотя бы некоторых их прерогатив власти, в частности, права распоряжаться государственными средствами¹⁵. Маклаков опасался настойчивости оппонентов в этом отношении. Он считал, что прежде, чем таким образом ставить вопрос, Комитет должен заслужить доверие соотечественников и иностранцев; и, несколько кривя душой, доказывал, что средств-то в сущности нет, – “кое-что находится в руках Врангеля, но если эти деньги пойдут не на армию и беженцев, то это вызовет такое возмущение, что подорвет морально сам комитет”¹⁶.

Создание Национального комитета, с точки зрения послов, преследовало и еще одну цель: разрыв преемственности власти генералов. Б.А. Бахметев полагал, что ее сохранение привело бы только к затяжке агонии и опосредовано оказало бы прямую помощь большевикам. Он писал из Америки, что “Национальный центр должен решительно порвать со всем прошлым; иметь мужество назвать ошибки своими именами и открыто встать на почву представительства и осуществления начал революции марта 1917 г.”. Идеи образования правительства за границей и поддержки армии, по его мнению, должны были “быть брошены”¹⁷.

До определенной степени концепцию послов разделил П.Б. Струве, находившийся в то время во Франции. Недавний ближайший соратник П.Н. Врангеля, начальник управления внешних сношений Крымского правительства отправил в Константинополь очень примечательную телеграмму, которая определенно показывает, что несколько месяцев, проведенных “министром” в Париже, не прошли для него даром. Сохраняя за главнокомандующим положение вождя, носителя идеи возрождения России, он считал необходимым вместо прежнего правительства создать в *Париже* (здесь и далее курсив мой. – *Е.М.*) орган, который, “представляя элементы национальной и государственной идеи, объединил бы в глазах иностранцев... *все государственно мыслящие* элементы

⁷ Там же, с. 316.

⁸ Там же, с. 318.

⁹ Там же, с. 318, 280.

¹⁰ Там же, с. 272–273.

¹¹ Там же, с. 279.

¹² В.А.Маклаков – А.А. Нератову 22 ноября 1920 г. № 1742-бис. – Leeds Russian Archive, MS 1500, Zemgor Archive. Diplomatic Papers (далее – LRA).

¹³ “Совершенно лично и доверительно!”, т. 1, с. 285.

¹⁴ Там же, с. 272–273.

¹⁵ Там же, с. 282.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 293.

русской эмиграции”. Причем этот “орган” он видел в образе именно Национального комитета. Здесь обращают на себя внимание сразу несколько пассажей. Во-первых, политик, входивший в ближний круг барона Врангеля, отводит ему явно номинальную роль в дальнейших событиях, оставляя за ним внешнее представительство идеи. Во-вторых, он буквально является рупором дипломатов Парижа, озвучивая идеи, в претворении которых в жизнь они видели будущее эмиграции: прежде всего опору на государственную составляющую, в противовес партийному подходу; выдвигал на первый план представление (защиту) эмиграции перед иностранцами. Предвидя недовольство своего патрона, он указывал на то, что отказ от компромисса может пагубно сказаться “на деле борьбы с большевизмом, на положении *нашего представительства* и эмиграции”¹⁸. Создается впечатление, что известный ученый повторяет внушавшиеся ему коллегами по новому поприщу идеи, делая акценты на то, что подчеркивать в конкретной ситуации вряд ли следовало.

У барона Врангеля и без того были напряженные отношения с дипломатическим корпусом. В начале своего правления он оказался перед необходимостью смириться с независимым положением этой структуры, согласившись на союз с ней. Осенью 1920 г., укрепив свое положение, он, по данным Г.Н. Михайловского, планировал самым серьезным образом реформировать и сократить зарубежное представительство¹⁹, приведя его в соответствие с масштабами Крымского правительства; распуская управления своего правительства после эвакуации, он оставил посольства без содержания, по крайней мере, до марта месяца, предоставив им самим искать средства на свою дальнейшую деятельность²⁰.

В создавшейся непростой ситуации В.А. Маклаков проявил гораздо большую дипломатичность. В телеграмме, отправленной А.В. Кривошеину, он старательно обходил острые вопросы, исподволь подготавливая окружение генерала к нелегкому, но, с его точки зрения, единственно правильному решению. В мягкой форме он писал о том, что считает невероятным “продолжение помощи нам со стороны одной Франции”, между делом сообщал о возможной постановке французами вопроса о торговых отношениях с Советской Россией. В качестве препятствия для создания в Париже русского политического центра с моральным влиянием он называл раскол общественных деятелей на два трудно примиримых лагеря по вопросу отношения к военной диктатуре²¹.

Необходимость поиска компромисса понимали в тот момент все реальные политики. Роспуск главнокомандующим учреждений, входивших в состав правительства Юга России, подарил минутную надежду представителям разных политических сил, и “парижанину” Маклакову, и соратнику Врангеля Кривошеину, что раскола удастся избежать, что принятое решение допускает широкую возможность сближения с общественными организациями²², что сам Врангель не станет рассматривать “образование здесь (в Париже. – *Е.М.*) политического Комитета” как ход против себя²³.

Неожиданно свою лепту в определение судьбы армии и власти Врангеля внес Ж. Лейг. Председатель Совета министров и министр иностранных дел Франции официально заявил, что после поражения генерала Врангеля Франция считает себя свободной от всяких обязательств по отношению к нему и только из гуманных побуждений приходит на помощь его солдатам. Убийственно для русских

¹⁸ М.Н. Гирс – А.А. Нератову 18 ноября 1920 г. № 1721-бис; П.Б. Струве (без определения адресата), № 2. – LRA.

¹⁹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920, в 2-х т. М., 1993, т. 2, с. 650–651.

²⁰ А.А. Нератов – Послу; Татищев для Струве 25 ноября 1920 г. № 1166. – LRA.

²¹ В.А. Маклаков – А.А. Нератову 18 ноября 1920 г. № 1723-бис. – Там же.

²² А.А. Нератов – В.А. Маклакову 21 ноября 1920 г. № 1151; А.В. Кривошеин для П.Б. Струве и В.А. Маклакова. – Там же.

²³ “Совершенно лично и доверительно!”, т. 1, с. 279. См. также: В.А. Маклаков – А.А. Нератову 22 ноября 1920 г. № 1742-бис. – LRA.

беженцев прозвучал тезис министра, что он не видит основания для продолжения экономической блокады Советской России²⁴. Приняв к сведению позицию официального Парижа, эмиссары главнокомандующего, А.В. Кривошеин и М.В. Бернацкий, признали невозможность дальнейшего существования правительства Врангеля²⁵.

Отношение М.Н. Гирса ко всему происходившему нам неизвестно. Несмотря на то, что его переписка этого периода сохранилась довольно полно – в ней мы не смогли отыскать размышлений о путях создания или функциях Национального комитета. Между тем беседовавший с ним в этот период премьер-министр Болгарии А. Стамболийский отметил, что ни у кого из общественных и политических деятелей, с которыми ему пришлось вести в этот период переговоры в Париже, “не встретил такого ясного и продуманного понимания создавшегося положения в Европе и, в частности, будущих судеб России”²⁶.

Старейшина Русского Заграничного корпуса в этот период вел активную и напряженную деятельность, но в другом направлении. Он концентрировал усилия на том, чтобы спасти хоть часть представительства и дать ему возможность работать еще некоторое время.

Получив известие об оставлении Крыма войсками барона Врангеля, он не сложил с себя полномочия – здесь независимость Корпуса от Крыма оказалась очень кстати²⁷, и немедленно обратился к главам представительств в Вашингтоне, Токио, Пекине, Стокгольме с просьбой: “Несмотря на совершившиеся события... продолжать работу на прежних основаниях”²⁸. И в дальнейшем он настаивал на том, что “пока есть возможность работать, необходимо не пренебрегать никакими средствами”²⁹.

В выработке общей платформы дальнейшего существования заграничного представительства М.Н. Гирс стремился опереться на опыт, приобретенный во время Гражданской войны. “В историческом развитии антибольшевистского движения, – писал он в январе 1921 г., – роль эта (дипломатического ведомства. – *Е.М.*) сводилась к простой формуле: быть представителями последнего русского законного признанного правительства, помогая всемерно тем лицам, группам лиц, союзам, обществам, государственным ячейкам и образованиям, которые вступали в борьбу с большевистскими захватчиками. Но это, однако, не означало, что, служа названным организациям, как, например, правительствам адмирала Колчака, генерала Деникина и барона Врангеля, мы тем самым отождествляли себя с ними, признавая себя их представителями и всецело связывая нашу участь с их судьбою”³⁰. Эта формула, как мы видим, не противоречила возможности сотрудничества в дальнейшем с каким-либо новым политическим образованием. В начале 1921 г. в качестве посредника между правительствами стран пребывания и русскими колониями, обосновавшимися на их территориях, старейшина Корпуса соглашался рассматривать “Русский Национальный комитет или отделы Национального комитета, или независимый Русский комитет”. Таким образом, с одной стороны, вопросу о форме русского центрального органа старейшина Корпуса и его ближайшее окружение большого значения не придавали, априори считая, что таковой возникнет. С другой, за месяц до создания Совета послов руководство

²⁴ Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923, с. 31.

²⁵ В.А. Маклаков – А.А. Нератову 30 ноября 1920 г. № 1775; Струве для главнокомандующего. – LRA.

²⁶ А.М. Петряев – М.Н. Гирсу 30 января 1921 г. – Там же.

²⁷ А.М. Петряев – М.Н. Гирсу от 6 марта 1921 г. – Там же.

²⁸ М.Н. Гирс – Б.А. Бахметеву, В.Н. Крупенскому, Н.А. Кудашеву, К.Н. Гулькевичу 29 ноября 1920 г. № 1740. – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 6851, оп. 1, д. 57, л. 39.

²⁹ М.Н. Гирс – К.Н. Гулькевичу 6 декабря 1920 г. – Там же, ф. 6094, оп. 1, д. 40, л. 11.

³⁰ “Чему свидетели мы были...”: переписка бывших царских дипломатов (1934–1940), в 2-х кн. М., 1998, кн. 2, с. 404.

дипломатического ведомства вовсе не собиралось брать на себя в полной мере ответственность за беженство, предоставляя пальму первенства политикам, с которыми намерено было сотрудничать. Свою цель М.Н. Гирс видел в сохранении работоспособного аппарата, который готов был поставить на службу созданному органу, не видя необходимости участвовать в его организации.

Задачи Заграничного корпуса в будущем, в представлении М.Н. Гирса, распадалась на две главные составляющие – политическую и гуманитарную. В январе 1921 г. он сформулировал их следующим образом: “Покуда у нас имеется хоть малейшая к тому возможность, наш долг – оставаться на местах и продолжать по мере сил бороться с Советами политически”. Он первый среди политиков признал первостепенную важность проблемы беженцев: “мы не можем бросить на произвол судьбы ни наших соотечественников, проживающих за границей, ни десятков тысяч обездоленных беженцев”³¹. В связи с этим он особо настаивал на сохранении статуса именно дипломатических, а не консульских представительств, потому что “был глубоко убежден, что консульская деятельность будет очень скоро совершенно парализована, если не будет иметь поддержки в дипломатических сношениях”³².

Политическим кредо дипкорпуса стали его независимость и “надпартийность”, готовность оказывать помощь и поддержку **всем** оказавшимся в изгнании русским людям без различия их политических симпатий³³.

Будущее корпуса М.Н. Гирс видел в сохранении его представительств на местах и их “согласования и организации”, то есть представительств и их руководящего центра, так как только это в отсутствие центральной правительственной власти могло придать вновь создаваемой структуре некоторый вид легальности и обеспечить эффективную работу. Причем он особо подчеркивал, что руководство дипломатической системы не будет претендовать на политическую власть, все попытки создать которую, как отмечалось выше, оказывались неудачными³⁴.

Параллельно он активно занимался вопросами правового положения русских беженцев за границей. Проблема будущего соотечественников в случае проигрыша гражданской войны и признания странами их пребывания советской власти была поднята М.Н. Гирсом еще весной 1920 г. Начало переговоров итальянского правительства с Москвой об установлении торговых сношений заставило его подготовить записку, так называемый римский мемуар, который получил одобрение С.Д. Сазонова, тогда еще министра иностранных дел, и был разослан в русские представительства в разных странах. После эвакуации армии Врангеля в Константинополь старейшина корпуса вернулся к этому вопросу и дал задание юристу старого МИД А.Н. Мандельштаму проанализировать право зарубежных стран с точки зрения возможности его применения к русским беженцам³⁵. В записке “О правовом положении русских эмигрантов в иностранных государствах, которые признали бы Советскую республику” был сделан вывод о необходимости обеспечения применения к выходцам из России, в какой бы стране они ни находились, Свода законов Российской империи. Этот документ 10 января 1921 г. был разослан российским миссиям за рубежом как руководство к действию в оговоренном в его заголовке случае.

Старейшина корпуса в этот период, как и другие политики, находился в поиске, но в отличие от других он не растрчивал силы и время на межпартийные споры. Положение главы “государственного учреждения” давало ему определенную свободу. С гибкостью, редкой для преуспевшего в рамках старой иерархичной структуры чинов-

³¹ Там же, с. 403–404.

³² М.Н. Гирс – К.Н. Гулькеичу 6 декабря 1920 г. – ГАРФ, ф. 6094, оп. 1, д. 40, л. 10об.

³³ “Чему свидетели мы были...”, кн. 2, с. 404.

³⁴ Там же, с. 406.

³⁵ Выводы записки А.Н. Мандельштама опубликованы в “Русское беженство 1920–1930-е годы” (М., 2004) под датой 10 января 1921 г. Однако мы располагаем данными, что документ существовал уже к 23 декабря 1920 г.

ника, он искал возможности охраны интересов соотечественников “новыми путями, или видоизменениями, в зависимости от местных условий” методов старой практики³⁶.

Между тем, споры в Париже все более разгорались, а положение беженцев в местах первичной концентрации становилось все более отчаянным. В.А. Маклаков, непосредственно участвовавшим в переговорах о создании новой правительственной структуры, все более и более овладевал пессимизм. В конце ноября 1920 г. он выражал большие сомнения относительно того, что выйдет из Национального комитета³⁷, а 7 декабря уже в самой возможности его создания³⁸. Бахметев писал в декабре, что необходимость комитета вытекала из практических потребностей работы, что отсутствие морального центра этой самой работе чрезвычайно мешает³⁹.

Тем не менее, не удалось создать не только Национальный, но и Деловой комитет по организации помощи беженцам. Идея последнего, по одним сведениям, принадлежала французам, предполагавшим через него проводить всю помощь беженцам, по другим, инициаторами его создания были Струве и Бернацкий, полагавшие, что французское правительство скорее будет разговаривать с представителями общественных организаций, “нежели с чинами прежних дипломатических учреждений, юридическая природа существования которых являлась в достаточной мере спорной”⁴⁰. Однако они просчитались: попытка представителей комитета выйти на переговоры с французскими официальными кругами провалилась⁴¹. По всей видимости, к этому моменту французы уже сделали свой выбор.

Воспользовавшись приездом в Париж Б.А. Бахметева, второго февраля 1921 г. М.Н. Гирс созвал сугубо деловое совещание в предельно узком составе. В нем, кроме выше означенных персон, приняли участие В.А. Маклаков и неизменный министр финансов всех последних правительств России М.В. Бернацкий⁴².

Участники совещания исходили из общего для основной массы эмиграции постулата о нежизнеспособности большевизма, который, столкнувшись с новыми задачами в мирных условиях, должен эволюционировать, или потерпеть сокрушительное поражение⁴³. Поэтому сама постановка вопроса о сохранении дипломатических учреждений, пока это возможно, т.е. до тех пор, пока не последовало признание державами Советской России, возражений ни у кого не вызывала. В.А. Маклаков и Б.А. Бахметев особой ценности в сохранении ведомства не видели: “Мы живем в переходное время. Официальное заграничное представительство остается пока на прежнем положении. Оно изменится в зависимости от иссякания всяких денежных средств или перемены отношения к нему иностранных правительств”, – равнодушно писал Маклаков в декабре 1920 г.⁴⁴ Тем не менее, свои посты они не оставили, привычно пользуясь положением послов в своей политической работе.

Совещание констатировало прекращение существования последнего из фактических антибольшевистских правительств на территории России и признало, что в этой

³⁶ М.Н. Гирс – С.А. Поклевскому, Козелл № 122 от 17 февраля 1921 г. – ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 65, л. 21.

³⁷ “Совершенно лично и доверительно!”, т. 1, с. 280.

³⁸ Там же, с. 304.

³⁹ Там же, с. 318.

⁴⁰ Воспоминания П.А. Бурьшкина. – ГАРФ, ф. 5885, оп. 1, д. 2, л. 62.

⁴¹ Там же.

⁴² П.Б. Струве в совещании не участвовал. 21 января 1921 г. он подал в отставку с поста заведующего Частью иностранных сношений (так после эвакуации стало называться врангелевское ведомство иностранных дел), мотивируя этот шаг расхождением с Врангелем “во взглядах на способ действий в отношении как внешних сил, так и русской общественности”. – “Совершенно лично и доверительно!”, т. 1, с. 533.

⁴³ Там же, с. 169, 175.

⁴⁴ В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву 9 декабря 1920 г. № 1793-бис. – LRA.

связи “действовавшие до последнего времени за границей представительства... означенных правительств естественно лишились своих функций”⁴⁵.

Однако послы приняли во внимание, что в случае роспуска Заграничного корпуса русская эмиграция, принявшая массовый характер, по существу окажется беззащитна. Правда, в это время в среде самого беженства стали во множестве создаваться общественные организации⁴⁶, но задача такого масштаба ни одной из них была не под силу – у них не было ни опыта, ни устоявшихся связей с государственными учреждениями и политическими деятелями стран пребывания, ни разветвленных структур.

Учитывая это, участники обсуждения пришли к выводу, что “до тех пор, пока державы отказываются признавать большевиков, – единственным органом, имеющим характер постоянности, законной преемственности и сравнительной независимости от хода событий является Русское Дипломатическое Представительство за границей”⁴⁷. В качестве его центра был создан Совет послов, куда вошли главы представительств. Возглавил Совет М.Н. Гирс.

Проблемы, которые похоронили планы создания Национального комитета не могли быть обойдены и здесь. Судя по всему, и четверем политикам, заседавшим в здании российского посольства в Париже, договориться по этим вопросам было сложно. Однако после нескольких месяцев обсуждения этой проблемы, все присутствовавшие понимали, что желание расставить точки над *i*, чревато новым “разбитым корытом”. В протоколе Совещания тема руководства русским обществом за рубежом затронута весьма осторожно: “Единственным органом, основанным на идее законности и преемственности власти... может явиться Совещание послов”⁴⁸. Однако в преамбуле циркуляра, который М.Н. Гирс по итогам совещания разослал по представительствам, то же положение сформулировано в ином ключе: “С падением правительства генерала Врангеля и с оставлением им территории России создалось такое положение, что единственным органом идеи государственности, носящим в себе законные права преемства, осталось дипломатическое представительство России за границей. В его лице сосредоточились все элементы выявления *государственного организма* как в отношении к российскому достоянию и к интересам отдельных российских граждан, так и в смысле представительства за них перед иностранными правительствами”⁴⁹.

Такой подход позволил сделать то, о чем грезил эсеры и от чего их так последовательно отговаривал Маклаков. Вновь созданный Совет послов взял под контроль остававшиеся за границей русские государственные средства. Для правильного, целенаправленного использования этих денег совещанием был создан Финансовый совет. Единство действий двух организаций достигалось тем, что возглавил оба учреждения М.Н. Гирс. В состав Финансового совета, вошли В.А. Маклаков, М.В. Бернацкий и кн. Г.Е. Львов. Российские послы в США и Японии, дипломатический представитель в Великобритании во время их пребывания во Франции также считались его членами⁵⁰. Для предварительного рассмотрения ассигнований и других вопросов, связанных с управлением и хранением имущества, был учрежден распорядительный комитет под председательством М.В. Бернацкого (заместитель В.И. Новицкий). В связи с особыми условиями заведывания денежными средствами в Японии и США, российские послы в этих странах принимали финансовые решения самостоятельно, однако

⁴⁵ “Чему свидетели мы были...”, кн. 2, с. 406.

⁴⁶ В январе 1921 г. в Париже был образован комитет членов Учредительного собрания и проведен съезд Земгора; в феврале 1921 г. был образован Русский парламентский комитет; в июне того же года был создан Национальный комитет; в апреле 1921 г. в Константинополе был создан Русский совет, претендовавший на роль правительства в изгнании.

⁴⁷ “Чему свидетели мы были...”, кн. 2, с. 407.

⁴⁸ Там же, с. 408.

⁴⁹ Там же, с. 406.

⁵⁰ Там же, с. 408.

предполагалось взаимное осведомление и сотрудничество между ними и Финансовым советом⁵¹.

Тогда же при Совете послов было создано и Совещание для обсуждения вопросов о правовом положении русских граждан за границей под председательством бывшего заместителя министра иностранных дел России, юриста-международника Б.Э. Нольде⁵².

10 февраля 1921 г. М.Н. Гирс, с ведома и по поручению всех участников совещания, направил Врангелю письмо, в котором попытался осветить “общее положение” и, в общем, отрезвить Главнокомандующего, никак не желавшего понять, что Русская армия прибыла в Турцию не в роли завоевателей, а в качестве беженцев. “Из заявлений, которые Вы делаете, и требований, которые сюда обращаете, – писал глава Совета послов, – видно коренное противоречие между тем, как представляется дело у Вас, и тем, как оно стоит на самом деле. Вы надеетесь, что можно убедить союзников сохранить армию, как военную силу, и в будущем ее использовать; к этой цели направлены Ваши усилия; Вы думаете, что эта задача недостаточно оценена нами здесь и что в этом одна из причин, почему союзники ей не помогают”. Гирс пояснял, что попытки сохранить армию, учитывая настроения уставшей от войны Европы, а в особенности Франции, обречены на провал. “На всякое чихание не наздравствуешься”, – такую резолюцию наложил П.Н. Врангель на это послание⁵³. 6 февраля свои формальные отношения с Главным командованием разорвал М.В. Бернацкий⁵⁴.

В.О. Будницкий справедливо рассматривает совещание 2 февраля 1921 г. как переход “власти” от военных к дипломатам⁵⁵. Решения его были судьбоносны, как покажет будущее, для русского беженства, и революционны для его политических и военных кругов. Можно было ожидать взрыва возмущения, организации сопротивления, нового круга обсуждений и гневных резолюций. Но ничего. А.В. Кривошеин раздраженно охарактеризовал произошедшее как “пронунциаменто”, осуществленное тремя чиновниками министерства иностранных дел⁵⁶. Финансовые агенты, с которыми, видимо, предварительно были проведены согласования, подчинились принятому решению без возражений. В прессу первые и крайне расплывчатые сведения о проекте создания то ли “коллегии послов”⁵⁷, то ли “финансового совета”⁵⁸ стали просачиваться только в конце февраля 1921 г. и особого внимания публики к себе, судя во всему, не привлекли... Дипломаты, работавшие в разных странах, в массе своей приветствовали принятое решение⁵⁹ и продолжили службу, которая все более и более переходила в служение. Они будут работать при прогрессивно сокращавшемся содержании в 20-е годы XX в. Те, кому позволят обстоятельства, в бедности, даже нужде продолжат помогать соотечественникам и после прекращения финансирования того или иного представительства.

Таким образом, уже в первые недели после окончания Гражданской войны на европейской территории России, внутри антибольшевистского лагеря выявились серьезные противоречия в вопросе организации жизни русской колонии за рубежом. Линия главного противостояния лежала между находившимся в Константинополе главноко-

⁵¹ “Совершенно лично и доверительно!”, т. 1, с. 540.

⁵² М.Н. Гирс – С.А. Поклевскому, Козелл № 122 17 февраля 1921 г. – ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 65, л. 21.

⁵³ Цит. по: “Пронунциаменто” трех чиновников министерства иностранных дел (к истории возникновения Совета российских послов в Париже). – Зарубежная Россия 1917–1939. СПб., 2003, с. 14.

⁵⁴ Там же, с. 14.

⁵⁵ Там же, с. 12.

⁵⁶ Обзор деятельности П.А. Бурышкина в русских эмигрантских промышленно-финансовых и торговых организациях за границей (1919–1926). – ГАРФ, ф. 5885, оп. 1, д. 2, л. 63.

⁵⁷ Коллегия послов по сообщению газеты “Руль”. – Новая русская жизнь, 27.II. 1921.

⁵⁸ Не коллегия послов, Финансовый совет в Париже. – Новая русская жизнь, 3.III.1921.

⁵⁹ В.Н. Крупенской – М.Н. Гирсу 2 марта 1921 г. – LRA.

мандующим русской армией, считавшим, что может сохранить власть, так как борьба, по его мнению, еще не была окончена, и русскими политиками в Париже.

Конец 1920 г. выбил из-под дипломатической организации существенную составляющую базы ее деятельности – землю, территорию, которую она могла и должна была представлять. Однако к разрешению этой проблемы руководство корпуса было подготовлено практикой последних лет, большое внимание в которой уделялось помощи соотечественникам. В феврале 1921 г. дипломаты сделали еще один шаг в той череде новаций, которая началась в октябре 1917 г. с отказа подчиниться правительству, взявшему власть на Родине. Они перенесли обязательства по отношению к “земле” на людей, на бесчисленное море соотечественников, оказавшихся в беде. Совет послов и созданные им организации стали стержнем начинавшего в то время формироваться Русского Зарубежья и дали ему возможность опробовать новые формы государственности. В первой половине 20-х годов XX в. это ядро было дополнено вошедшими в систему жизнеобеспечения “государства вне границ” общественными организациями. Однако Совет послов будет рассматриваться Русским Зарубежьем как единственное “правительственное учреждение” и на протяжении всего его существования будет играть роль своеобразной “администрации”.